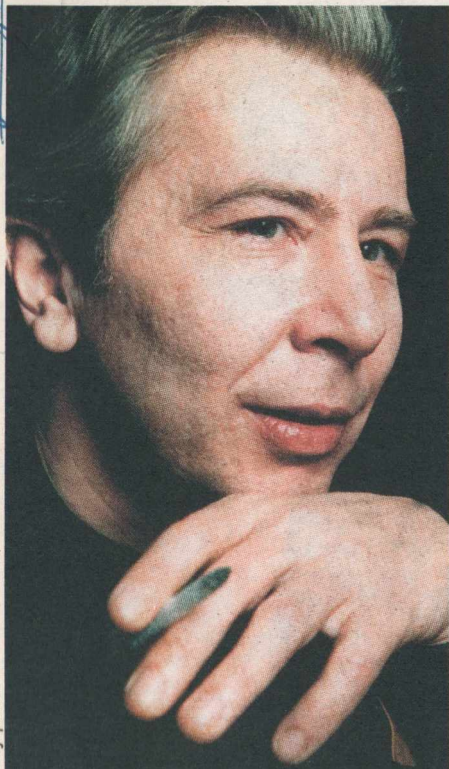

(17.11.02.02) (9/10/02)

Романов Алексей

Алексей Романов - 2003 - февраль (№41) - с. 22-23.

Без малого девять лет назад музыканты давно и навсегда распавшейся, казалось бы, группы "Воскресение" собрались в "классическом", образца 1980 года, составе отыграть три концерта в честь 15-летия группы. И вдруг поняли, что вместе им хорошо. Да так и играют с тех пор вместе. Выпустили за это время несколько альбомов. Но всё это были старые хиты в новых аранжировках, концертные записи. И вот – долгожданный подарок поклонникам: "Воскресение" выпускает альбом с весьма символическим названием "Не торопясь", состоящий именно из новых песен. 5 марта в столичном УСЗ "Дружба" состоится концерт-презентация.

Корреспондент "Алфавита" Стас АРТЕМОВ не мог удержаться и спросил музыканта и автора всех песен "Воскресения" Алексея Романова, почему же так долго пришлось ждать новинку.

– Созрели. Не борзописцы мы. Хотелось бы раз в два года это делать. Но это особый, видимо, дар – всё время что-то сочинять. Ну и потом, я очень жёстко отфильтровываю, очень много времени провожу за доводкой, за рихтовкой. А чем становишься взрослее, тем требования делаются жёстче. Пластинку в год всякой ерунды – я не согласен. А так раз в двадцать лет что-то достойное, приличное.

– "Воскресение" сейчас исполняет только ваши песни. Но Сапунов, Маргулис тоже пишут...

– У каждого из них есть сольные проекты. А у меня так выходит, что "Воскресение" – сольный проект.

– А почему всё-таки идёт такой крен в акустику?

– Осточертели электрогитары просто-напросто. Нужно было раньше этим заниматься. Но тогда не подспели профессиональные инструменты такого класса, чтобы действительно сносно звучала акустика на концерте.

– Многие старые фанаты "Воскресения" довольно-таки тяжело воспринимают старые песни в новых аранжировках...

– Люди они подкованные и через какое-то время привыкнут. А, во-вторых, у них у всех есть записи 79-го года. Нас убедили в необходимости записать пластинку "Все сначала", чтобы было современное качество записи старых вещей. Это не противоречит жизненным установкам, моральным правилам, императивам – вот, вспомнил слово кантовское. Мы сделали это без отвращения. Но для меня это проходная работа. Я же говорил, что наши старые поклонники всё равно будут слушать записи 79-го года.

– На предпоследнем уже вашем альбоме "Все сначала" есть несколько песен, которые как-то не входят в обойму главных хитов. Почему вы исполняете одни и не исполняете другие старые песни?

– Само собой как-то определяется, стихийно. Над нами не довлеют железные цепи имиджа. Но времена многих песен прошли. Или они не в формате.

– А что есть формат "Воскресения"?

– Мы, слава богу, коллектив небольшой, художественный руководитель и главный дирижёр нам не нужны. Мы в состоянии в течение трёх минут договориться, хотим ли мы что-то делать. Формат – это какой-то неперенный компромисс. Мои товарищи – люди достаточно сдержанные и лиричные. А если мне лично дать волю, я бы играл жёсткую музыку, очень жёсткую.

– Не хочется сольное что-либо сделать – жёсткое?

– Если это будет действительно огненное желание, внутренняя потребность – сделаю непременно. Это будет абсолютно бесполезная некоммерческая затея.

– А "Воскресение" – коммерческий проект? Вы очень редкие гости на музыкальном ТВ, сравнительно немного гастролируете, а с выпуском дисков музыканты в нашей стране не живут. Насколько вы думаете о коммерческой составляющей?

– Мы плывём по течению. Но когда нам не нравится направление потока, мы гребём изо всех сил. Впрочем, это просто слова. Очень мало об этом размышляем. Даже наш ударник и профессионал-экономист Михаил Шевяков предпочитает на эту тему не думать и не говорить. Рынок-то достаточно дикий. Я сам пользуюсь 80-рублёвыми дисками для компьютера. Меня жаба душит отвалить две с половиной тысячи за программу, которая мне два раза в год нужна.

– Где же солидарность? Ведь вы тоже от пиратов страдаете.

– Ни черта я не страдаю. Никто у меня ничего не отнял. Я же не держал эти деньги в руках.

– А почему вы редко даёте концерты в столице...

– Учитывая снобизм московской публики, здесь надо выступать редко, но чтобы это было событием. Есть ещё соображения и чисто экономиче-

1997

ские. Довольно много в Москве гастролёров. Если в этом месяце было несколько кассовых концертов, люди просто не в состоянии больше покупать билеты. И есть ещё колоссальный дефицит площадок. "Россия" – настоящая приличная концертная площадка, несмотря на пафос. Но у них бешеная аренда, мы не можем себе позволить. Или нужна серия концертов с дорогими билетами. Но это по отношению к публике просто нечестно. Мало кто в состоянии 600 рублей за билет платить, а получается дороже.

– А вообще, что для вас ближе – большие площадки или клубы?

– Мне лично удобней всего "тысячник". Но против клубов я ничего не имею. Там, куда люди приходит колбаситься, где им хорошо и уютно, – там нам и самое место.

– Мне-то всегда казалось, что вас нужно слушать, слушать текст.

– Да они же наизусть всем известны, эти тексты. Но мне тоже нравится, когда сидят и внимательно слушают.

– Что для вас первично – текст или музыка?

– Придильвать музыку к стихам готовым – очень утомительное занятие. Мне удобнее, когда музыка уже есть хотя бы в намёке. Потому что это уже задаёт размер и настроение. А остальное я выкопаю из-под земли, вытяну, если мне нравится эта музыка. А внутренней потребности сочинять стихи... У меня это очень редко бывает.

– Вы никогда не хотели выпустить книгу стихов?

– Садиться за книгу? Мне об этом подумать – уже скучно.

– А что нравится делать в свободное время?

– Моя любимая игрушка сейчас –

компьютер. Не игры. Игры были первые несколько недель. А сейчас я поставил несколько клёвых программ музыкальных. Мне их нужно осваивать. Буду сочинять дома.

– Так ведь вы не любите электронику.

– Ну а как мне быть? Либо ставить дома ударную установку, либо взять библиотеку живых, кстати, звуков и слепить демонстрационные барабаны. Я ничего хорошего пока, правда, не сделал, но уже кое-чему научился. А дальше, может, занедётся дома какая-нибудь клавиатура. Но пока мне хватает дома гитар и губной гармоники.

– А почему на концертах не играете на губной гармонике?

– Да потому что я только нащупал, как это делается. А чтобы практиковаться, мне надо дождаться, чтобы никого не было дома. Пока что это кошачий концерт. А когда стану мастером – от меня некуда будет деваться...

– По нынешним-то временам важнее обладать не мастерством, а наглостью.

– Наглость, контролируемая наглость – неперенное совершенно качество для эстрадного артиста.

– "Эстрадный артист" – это самоопределение?

– Эстрада по-итальянски – просто сцена.

– Происхождение-то таково, но смысл слова несколько изменился.

– Ну я без отвращения к этому слову отношусь. Если мы будем говорить, что такое рок, мы завяжем. Моя любимая группа "Аэросмит", по моему, откровенная попка. Тем не менее с удовольствием её переслушиваю.

– А что ещё слушаете – дома, в машине?..

– В машине – что придётся. Потому что машина всегда не моя. Если уж совсем какой-то чужой дядька – я прошу выключить. По радио "Шансон", кроме Олега Митяева, я редко кого вообще могу выдержать. Есть "Радио джаз" в машине Андрея Сапунова. Вообще джаз потихонечку как-то вытесняет всё остальное. Может, такой период.

– Вам не кажется, что джаз становится всё более облегчённым...

– Но я же слушаю старьё. У меня был период Колтрейна. Правда, жена мне запретила его слушать, для неё это слишком угрюмо. Мы с ней сошлись на Майлзе Девисе.

– А ещё?

– Бетховен. Очень люблю Третий фортепианный концерт в исполнении Алексея Ямпольского, 7-ю симфонию. И вообще я на классику как-то более ориентирован последние лет так десять – пятнадцать. Началось с того, что в ужасном, совершенно нищем и голодном 91-м году мы с супругой случайно купили абонемент в филармонию. И первое же, что услышали, был камерный итальянский оркестрик. Начали они с Вивальди, с тончайшего пиано. И мы поняли, что будем ходить, ходить, ходить... Никакие провода, никакие железки такого звука никогда не дадут. Мы прослушали массу симфонической музыки. У нас есть любимые дирижёры. Василий Синайский, в первую очередь. Он сейчас работает, по-моему, в Австралии. Нам повезло – целый сезон он нам дирижировал прекрасную музыку. Вообще наши оркестры, мне кажется, – лучшие. Дирижёров много гениальных, а музыканты самые лучшие – наши.

– Вы кому-либо из коллег завидуете?

– Виртуозам гитаристам. Не могу я так играть на гитаре, как Игорь Кожин, – хоть отрубите мне руки.

– А чего хотелось бы достичь?

– Мне бы неплохо было позаниматься на гитаре. Написать ещё несколько альбомов. Это максимум, на что я способен. И прилично петь как можно дольше. К этому есть все задатки. Но и есть все задатки к тому, чтобы всё это разрушить. Если я буду продолжать орать – у меня от голоса ни черта не останется очень скоро.

– С коллегами по цеху у вас какие отношения?

– Да никаких практически.

– Держитесь особняком?

– Я очень оберегаю свой душевный покой. Мои коллеги по цеху милые, очень обаятельные люди, но зачастую круг тем обсуждаемых настолько банален! Мне неинтересно говорить об автомобилях. Я об автомобилях могу говорить только с самыми близкими людьми, которым я прощаю эту слабость. Точно так же, как мои разговоры о гитарах терпят. По-

тому что уже всё сказано о гитарах, и об автомобилях. О деньгах, о женщинах, о телевизии, о путешествиях. Об итальянских ботинках всё уже сказано – больше не могу.

– А о чём интересно говорить?

– О книжках. У нас в группе Жена Маргулис – многолетний подписчик "Иностранной литературы". Все новинки в первую очередь от него. Ещё у нас есть друг семьи по профессии библиотекарь, она периодически притаскивает изумительные совершенно книжки. И ещё она в курсе всех театральных премьер. Но меня в театр не затащишь. Вот Слава Полунин – это супер. Такая пластика, такое внимание к деталям, такой лаконизм – и одновременно такое количество нежности. Незаёмной, выстраданной.

– Была ли книга, которая как-то образом перевернула жизнь?

– Чтобы какая-то книга меня полонила – нет. Скорей наоборот. Я уже приходил к этой книге изломанный, мягкий, восприимчивый. Когда начинаешь внимательно и со вкусом перечитывать "Войну и мир" – ты уже немножко другой человек к этому моменту, конечно. Значит, какие-то перемены внутри уже назрели.

– Насколько вы подвержены влиянию моды? Например, все в какой-то момент любят Дали...

– Ну я же не Махатма, не небожитель. Вот Робби Вильямс показался чем-то симпатичным, а потом... Да тыфу на него... Но некоторые вещи для меня совершенно неприемлемы. Например, в живописи остановился на импрессионистах. Дальше я уже не хожу. Не понимаю, зачем всё это нужно. А Дали любят за то же, за что любят Шилова, – гладко пишет. Внедряться в его психиатрические эксперименты – надо иметь серьёзную подготовку. А так – красивые картинки.

– Мне кажется, они пугающие.

– Меня Шилов больше пугает, чем Дали.

– Вы ведь и сами рисуете – специально для сайта "Воскресения", например, делаете новогодние рисунки...

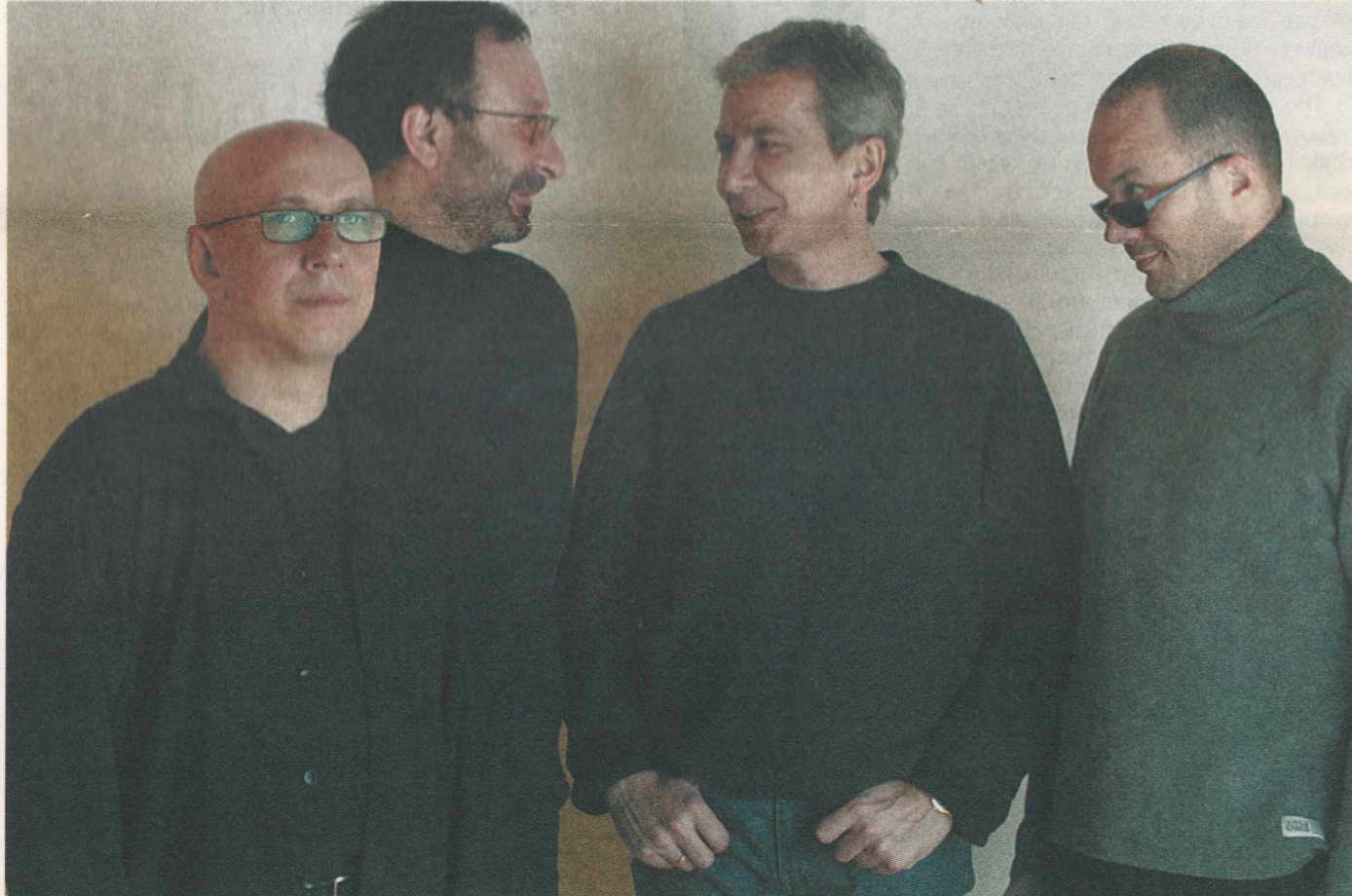
– Наш дизайнер Дима Бухаров недели за три меня начинает беспокоить. Но я один раз это сделал, и теперь буду делать это каждый раз.

– Вы воспринимаете это как какую-то карму тяжёлую.

– Я ж не рисую очень давно. Куража нет. Это ведь нужно любить настольную работу. А мне лучше что-нибудь трёхмерное, я больше по столлярной части. Вот переделал старый кухонный гарнитур, чтобы он влез в новую кухню. Но два года как ремонт закончился – и ничего не делаю... Жена просит укоротить ножки у стула, а я пока ленюсь.

Рок и роль

Алексей Романов: «Нас не сковывают железные цепи имиджа».

Группа "Воскресение", 2003 год.